

КУПАЛЬЕ

Светились яблони в саду
За три минуты до рассвета,
В тени раки́т купало лето
Кувшинки жёлтые в пруду.

Луна качалась над водой,
Меня совсем не замечая,
Роса на листья иван-чая
Ложилась, чтобы стать звездой.

Гляделись в небо тополя
В пуховых шалях у дороги,
Как те языческие боги,
Чей дом – Полесская земля.

Бежали звёзды клином звонким
И высекали для красы:
То – ковш Медведицы, то – тонкий
Стан Водолея, то – Весы...

И косы раскидало лето
За леса сонную грядку,
И голос пел далёко где-то
О том, что я к тебе иду...

Висели гроздьи искр над прудом,
И лодка хлюпала веслом,
По кромке алого рассвета
Купалье шло по белу свету.

И пусть не слышно соловья,
Но далеко ещё ненастье...
Огни Купалья. Дом мой. Счастье.
Любовь и Родина моя.

* * *

Постучали не в окно, а в душу,
Чётко-чётко, ясно так: вставай!
Тишину густую не нарушив,
Тихо в мире... Только – я и май.

Небу хмель подмешивая сочный,
Не такой, как завтра, и вчера,
Плыл сирени запах томной ночью,
Уносил куда-то со двора.

А куда? Кругом лишь тьма да звёзды,
Подпеваёт Моцарту луна,
Млечный путь, растянутый обозом,
И земля, тревогою полна.

Спят блаженно в доме домочадцы,
Слава Богу, и соседи спят,
Вот зачем, кому было стучаться?
И сегодня, знаю, постучат...

НЕ НАГЛЯДЕТЬСЯ,
НЕ НАДЫШАТЬСЯ...

*На Малой Родине
на Троицу*

Не наглядеться,
Не надыхаться!
Как больно сердцу –
Не рассказать мне.

Что сердце рвётся,
О чём льёшь слёзы?
Да тут – моё всё:
Юность, берёзы...

Здесь родилась я,
Вон в той деревне,
И эта сказка
В крови, наверно.

Крест на погосте,
Могила мамы,
Троицей в гости
Еду с цветами.

Дом – за горами,
С белым крылечком,
А между нами –
Синяя речка.

Небо высоко
Меня качает,
Речка глубока,
Ох, не мельчает!

Завет был строгим:
«Господь с тобою,
Бойся лишь Бога.
Будь молодою».

Так и живу – всю
Жизнь – молодая,
Бога боюсь и
Песней летаю –

Над родной нивой,
Над чистой речкой,
Над детством милым
Летать бы вечно!

В родные двери
Вновь постучаться,
Ах, наглядеться!
Да – надыхаться!

ЗАВЕЩАНИЕ

Я вас прошу: в угаре увлечения
Страх отменяя, ложь и суету,
Не придавать пустым делам значенья,
Не тратить сил души на пустоту.

Живущему – однажды суждено
Вдруг испытать в отчаянии глубоком,
Что в смерти, и страдании – одно
Дано нам: быть одним и одиноким.

У каждой жизни эти даты есть,
Достойные навек застыть в граните:
Одна – рождение, другая – смерть,
А между ними, радуясь, живите,

День каждый – словно с чистого листа,
Не сдерживая слёз и восхищенья!
А чтобы вас не съела пустота,
Не придавайте пустоте – значенья.

ДУРАЧОК

В нашей деревне юродивый жил.
– Й-ох! – с придыханием он говорил,
С торбой своей по посёлку ходил,
Всё что-то прятал да хлеба просил...
В жизни он больше не мог ничего,
Так и прозвали все Ёхом его.

Дети бежали за Ёхом гурьбой,
Хлеба никто не жалел ему дать,
Часто терял он дорогу домой,
И, отыскав его, плакала мать:
«Любенький, жалкий, сыночек родной!»
И уводила беднягу домой.

Тихая, кроткая Марья была,
Кланаясь всем, незаметно жила.
Но заблудился Ёх под Рождество.
Как ни искали его, не нашли.
Сердце у матери разорвалось,
Люди чужие её погребли.

А растопило сугробы весной –
Все увидали: помилуй же Бог!

С торбой своею сидел под сосной,
Видно, замерзший нечаянно Ёх.
Тут – спохватились: а как его звать?
Имя какое – на крест написать?

Так и поставили в жёлтый песок
Крестик с дощечкой «Любимый сынок».

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Моя мама идёт
по дороге из ясного света,
Над садами вишнёвыми,
пенной кипящими сплошь,
Моя мама восходит
по этому белому цвету
Далеко, высоко!
И – зови не зови – не вернёшь.

Моя мама идёт
через сердце, когда оно рвётся,
И спасает от боли,
как ангел, коснувшись крылом,
А откуда те крылья?
Откуда та радость берётся
После каждого сна,
где мы – за руку, с мамой вдвоём?

Всё, что есть у меня –
от тебя, моя милая мама,
Все, что детям отдам –
от тебя, от тебя, от тебя...
Ах, как зелень шумит
в этом мае, как машет крылами,
И как жизнь матерей –
коротка, и сурова судьба.

Мама! Что ж ты уходишь!?
А яблони в мае всё гуще
Белым снегом горят!
Неба колокол бьёт надо мной...
Почему, почему
эта тропка – всё круче и круче –
По которой иду?
А иду, знаю я, за тобой.

ПО СЫНУ

В чистом поле,
Чистом, белом,
Белой ночи свет,
Там – душа
Прощалась с телом
На заре – навек.

Ах, прощалась,
Тосковала
И к родным рвалась,
На мгновенье
Залетела
В дом, где родилась.

Встрепенулась
Среди ночи,
На рассвете мать.
Горе, горе, нету мочи.
Очи выплаканы, очи –
Нечем зарыдать.

В чистом поле
Белы звуки,
Даль белым-бела...
Не подставила
Я руки,
Не уберегла!

Видно, мало
Я молилась,
Вглядывалась вдаль.
И – случилась
Ночью белой –
Чёрная печаль...

В чистом поле
Свет лучистый
Белый-белый свет,
Чистый, чистый,
А от боли
Нет спасенья,
Нет.

КОЛЕ

Верила, молилась и просила,
падая из синей высоты,
и за мною вслед – невыносимый –
Ангельский избыток доброты.

Горе слева заходило, справа,
а потом ударило в лицо,
но любовь цвела и полыхала,
только – обручальное кольцо

сорвалось, пропало под обвалом
стылых вёсен и горячих зим,
где горело белое на алом,
покрывалось чёрное – седым.

Отчего ж со слезами уходят
Победители, дети войны?
Тьма глумлений упала сегодня,
Ищут даже убитых – вины,
Тех, кто жизнь отдавал, чтоб восстала
Из невиданных миром руин,
Обвинили... Без боя – не стало
Всех врагов победившей – страны.

И всё глубже развал год за годом...
Прежде – с нашей Великой страной
Мир считался... Свободно и гордо
Жили, пели, трудились с тобой.
Кто посмел бы унижить хоть словом
Гражданина Советской страны?
Нет, Европа не знала такого,
И Америке были видны

Наша сила и крепость – все люди
В завтра смело смотрели, и знал
Каждый: он защищён, его любят,
У народа был – идеал.
Май... Девятое... Слышится песня –
«День Победы», как «... был он далёк»,
Звоны Храмов летят в поднебесье,
И... всё ярче в душе огонёк.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

...Не жди меня...

Я знаю, как тебе – одной,
как холодна твоя подушка,
никто не постучит в окно,
боль – твой помощник
и подружка –
неиссякаемая боль,
нет сил, а жить-то всё же
надо:
детей оставил я – с тобой,
всё, что имел...
Ещё – награду
дадут: посмертную мою,
медаль за битву под Варшавой,
когда Победу запоят,
и зацветут сады...

Я знаю,
всё знаю: как тебе – одной,
какая стылость дней большая,
всё – на тебе, моей родной,
я так любил вас,

но – истаял
в чужой земле, среди берёз
лежу, спелёнутый корнями,
и даже всех на свете слез
не хватит,

чтоб вернулся к вам я
из холода могильной тьмы...
Как я спешил –

домой вернуться,
чтоб дождались меня с войны
с Победой!

Нет меня. Проснуться
мне не дано. И ты – одна.
Как прокормить,

ведь сил – не стало,
одеть, обуть...

Моя война
закончилась. Твоя – осталась.
А я...

Давно не больно мне,
ушёл в бессмертье... Говорят,
что всем,

погибшим на войне,
писать любимым разрешат.
Ты там не рвись,

и не спеши,
не переделай дел,
послушай
в рассветах – крик моей души:
не бойся,

скоро – станет лучше!
И обо мне ты не реви,
боль не буди:

как я оставил
вас, без защиты и любви?
Теперь вот – смог:

письмо отправил
по Троице – через сирень...
То не она цветёт средь мая,
я – море нежности моей

тебе и детям посылаю.

*Любящий вас, ваш Ваня,
январь, 1944 года.*